

ПРИХОЖАНЕ ПРЕЛЕСТНОЙ МАРИЭТТЫ.

У тѣхъ богобоязненныхъ старушекъ, которыя такъ любятъ черныя шали съ длинной бахромой и кружевныя наколки на выцвѣтшихъ волосахъ, у старыхъ дѣвъ, еще тайно вздыхающихъ надъ романами, гдѣ много страницъ посвящено пылкимъ объясненіямъ и совершенно отсутствуютъ назидательныя тенденціи, у расчетливыхъ и благочестивыхъ содержательницъ меблированныхъ комнатъ на Santa Lucia, которыя съ одинаковымъ жаромъ вручаютъ молитвѣ и себя, и свое ремесло, толкающее порой на путь опасной предпріимчивости,—я видѣлъ статуэтки такихъ Мадоннъ.

Это—дешевыя Мадонны,—я хочу сказать: статуэтки ихъ стоятъ недорого,—лиры двѣ, двѣ съ половиной. Вышнюю онѣ съ полъ-аршина и сдѣланы машиннымъ способомъ, одежды ихъ раскрашены подъ шелкъ и бархатъ, грубо и ярко, но для простого, немудрествующаго взора, еще не потерявшаго способности источать слезы въ нехитрой и петребовательной молитвѣ,—привлекательно.

Я люблю такую Мадонну. Она бываетъ божественно-хороша въ тиши итальянскаго, деревенскаго вечера, на перекресткахъ сонныхъ улицъ съ пезакрывающимися калитками. Вмѣстѣ съ Сыномъ, протягивающимъ пухленькую ручонку къ подбородку Матери, освѣщенная снизу огонькомъ лампадки, который долженъ до утра напоминать Ей о немощахъ людей заснувшихъ,—Она охраняетъ благочестивые дома.

Я часто прерывалъ дорогу, завидѣвъ такую фигурку. Стоитъ въ полукруглой нишѣ высокая женщина, закутанная то въ синій, то въ коричневый плащъ. Глаза ея, голубые, опущены долу. Длинными, тонкими пальцами поддерживаетъ Она у груди своего первенца.

Ишьво текли думы.

— Въ чемъ твоя прелесть, Мадонна? Въ чемъ твоя прелесть, Мадонна, окруженная тихими неразгорающимися огоньками, которымъ не умереть до утра? Съ восходомъ солнца ихъ потушать и замѣнять молитвами, ибо молитвы стоятъ человѣку дешевле, чѣмъ лампадное масло.

— Въ чемъ твоя прелесть, Мадонна?

И вдругъ, въ двухъ часахъ ѣзды отъ Неаполя и совѣмъ рукой подать отъ Сорренто, на островѣ Капри, въ кафе, стѣны котораго увѣшаны лакированными портретами германскихъ кайзеровъ и прошедшихъ, и настоящихъ, и будущихъ. въ кафе, на столахъ котораго всегда лежитъ въ трехъ экземплярахъ свѣжій,

продѣтый за палку «Berliner Tageblatt»,—я увидѣлъ эту Мадонну, живую, съ человѣческой плотью и кровью,—ту самую, передъ которой дѣвушки, тайно мечтающія о снѣгѣ, заботливо кладутъ весенніе цвѣты.

Эту Мадонну звали Маріэттой. Ей было 17 лѣтъ и ея занятіе состояло въ томъ, что она съ утра и до вечера, довольно поздняго, приносила посѣтителямъ черный кофе, вермутъ и ничѣмъ постороннимъ неразбавленное настоящее пьемонтское вино. Маріэтта только что переросла полосу, отдѣляющую дѣвочку отъ дѣвушки. Еще не сгладилась, но уже сглаживалась угловатость плечъ. Глаза у ней были не итальянскіе, а сѣверные, синіе.

Каждый вечеръ мы—русскіе: молодые художники, поэты, эмигранты, архитекторы приходили къ ней, къ нашей Мадоннѣ, и звались мы такъ:

— Прихожане прелестной Маріэтты.

Какъ было жаль, что я плоховато зналъ итальянскій языкъ! Помилуйте! Легко-ли было разговаривать съ прелестной Маріэттой?

Вотъ она принесла мнѣ то,—о чемъ я ее просилъ. Я спрашиваю.

— Какъ здоровье, Маріэтта?

— Хорошо, синьоръ,—благодарю,—отвѣчаетъ она и ждетъ дальнѣйшихъ вопросовъ.

Я молчу въ теченіе времени, довольно таки продолжительнаго, потомъ опять спрашиваю:

— Твоя хозяйка, Маріэтта,—вѣдьма?

Глаза Маріэтты, большіе—большіе, дѣлаются еще больше.

— Думать такъ,—отвѣчаетъ она,—нѣтъ никакпхъ основаній.

Маріэтта поморщила лобикъ, что-то на мгновенье затемнило спокойную увѣренность и она осторожно спрашиваетъ.

— Можетъ, у синьора есть какія-нибудь данныя?

Я говорю, припимая дѣловитую позу.

— Я бы, конечно, могъ сказать вамъ кое-что на этотъ счетъ, по я, Маріэтта, человѣкъ осторожный и не люблю зря говорить того, чего не провѣрилъ до конца. Въ такихъ же случаяхъ нужно вѣрить только своимъ глазамъ,—неправда ли, Маріэтта?

— Сущая правда, синьоръ,—отвѣчаетъ Маріэтта.

— Я рѣшилъ поступать такъ во всю мою жизнь, Маріэтта, до конца дней моихъ!

Я вижу, что мои слова правятся Маріэттѣ, она слегка краснѣетъ и румянецъ ея растетъ, какъ дыханіе на стали, облачкомъ покрываетъ щеки, округляясь около глазъ, и отгѣняя завитокъ темно-каштановыхъ волосъ,—завитокъ, составленный изъ черныхъ колецъ, одно меньше другого.

Молчимъ. На террасѣ кафе никого пока нѣтъ, часъ жаркій, веѣ съ утра выкупались и спятъ теперь, запершись въ комнатахъ съ кирпичными полами. Тѣни плюща, окутывающія и террасу, и Маріэтту, и дверь, и мою шляпу, прорѣзаны яркими, горячими пятнами,—большей частью продолговатой формы.

— Я люблю тебя, Маріэтта!

Это—шутка, и топъ—шутливъ, но мнѣ кажется, что Маріэтта, подавъ страгу, потому такъ долго стоять у стола, потому такъ долго смотреть черезъ мою голову своими ясными глазами, что чего-то ждетъ и это, кажется, моя обычная шутка о любви.

Маріэтта молчитъ, отрицательно качаетъ головой и я начинаю думать о томъ: кого можетъ полюбить здѣсь, на островѣ, эта дѣвушка? На праздникахъ, которые собираютъ на площадь всю молодежь, я пересматриваю лица, прислушиваюсь къ смѣху и гадаю: кого изъ нихъ полюбитъ Маріэтта? Но вечерамъ иногда захожу въ кабачки, смотрю на пьющихъ вино, на играющихъ въ карты, гляжу то на одного, то на другого и думаю: не этого ли полюбитъ Маріэтта?

— Поѣдемъ въ Россію, Маріэтта?

— In Russia?—переспрашиваетъ Маріэтта и въ голосѣ ея явно дрожитъ страхъ. Смотрю на нее и думаю: а, вѣдь, и правда было бы холодно тамъ у насъ ей,—этой Маріэттѣ?

— Нѣтъ, синьоръ, нѣтъ,—тихо говоритъ она и повторяетъ еще потише.— Нѣтъ, синьоръ, нѣтъ.

— Маріэтта!—опять говорю я,—если бы ты знала, какъ прекрасна Россія!— Я собираюсь скоро уѣзжать, я уже давно началъ скучать по Россіи и мнѣ хочется вслухъ поговорить о томъ, какъ прекрасна моя родина. Днемъ я говорю объ этомъ Маріэттѣ, а вечерами—въ компаніи моихъ поэтовъ.

Маріэтта молчитъ, но поэты подтверждаютъ хоромъ.

— Да! Россія!

Поэты пропускаютъ слово: «прекрасна!» но я знаю, что они его подразумеваютъ.

Задумывается Маріэтта. Подъ копной этихъ щедрыхъ волосъ рождается, видимо, мысль: а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ прекрасна далекая страна? Кому больше можно вѣрить: учителю или поэтамъ? Нельзя предположить, что вретъ учитель, но какъ можно не вѣрить поэтамъ?

Маріэтта любитъ поэтовъ. Весь островъ любитъ поэтовъ. Вся страна любитъ поэтовъ. Вся Италія твердо знаетъ: умерли короли, умерли завоеватели, умерли богачи, умерли красавцы, умерли мудрые судьи и только дѣла поэтовъ остаются нетлѣнными.

Одинъ изъ насъ, тайно влюбленный въ Маріэтту, часто напивается и надеетъ подъ столъ. Шумитъ, кричитъ, смѣшивается въ одно самыя сильныя и распространенныя проклятія: и русскія, и итальянскія, и французскія.

Глѣбными тогда дѣлаются хозяева кафе,—цѣлая династія туподобродушныхъ, толстыхъ приобрѣтателей. Русскій поэтъ, сонеты котораго еще не извѣстны, слишкомъ нарушаетъ покой заведенія: со стѣнъ смотрятъ портреты кайзеровъ, а изъ-за столовъ—ихъ толстые, преданные вѣрноодданные. Смотрятъ хозяева на пьянаго поэта и думаютъ, вѣроятно, о всѣхъ насъ:

— Врутъ они, что Россія—прекрасна.

И только Маріэтта вмѣстѣ съ нами, заботливо и нѣжно, ведетъ пьянаго къ выходу, и только она одна на прощанье ласково желаетъ ему добраго вечера.

— И эта ласковость, какъ свѣтлый лучъ въ туманѣ нахмурившагося неба. Такъ, однажды, рѣшили поэты, скрывъ, конечно, для своихъ сонетовъ болѣе свѣжія и образныя сравненія.

И отвѣчаетъ ей, пожимая руку, пьяный:

— Вы славный товарищъ, Маріэтта!

Мы—уже на площадкѣ фюникулера. Далеко внизу—темное море. У берега горитъ одинокій огонь невидимаго парохода. Направо—скалистый Сорренто. На горизонтѣ жемчужныя бусы Неаполя.

Взглядываетъ пьяный, влюбленный поэтъ на небо и декламируетъ, поднимая къ звѣздамъ свою худую, оцарапанную руку.

— Ave, Marietta, gratia plena!

И другая тупо добродушная, толстая, уже пожилая, богатая дѣвушка, дочь хозяевъ, вышедшая отъ скуки посмотрѣть на чудачества пьянаго, взглядываетъ на Маріэтту, на подчиненную свою, съ завистью. Хотя мы и русскіе, и пьяницы, и шумные, безтолковые люди, хотя о многихъ изъ насъ было дѣло въ муниципалитетѣ за стрѣльбу изъ револьверовъ около фаральоновъ, хотя и хотѣли сперва и сгоряча выслать насъ за это съ острова безъ права возвращенія, но вѣдь, все-таки, сейчасъ же послѣ засѣданія извѣстно стало всеѣмъ, что когда горячность однихъ прошла, тогда другіе, мудрые граждане, все время, строя силлогизмы по разнымъ фигурамъ, не перестававшіе думать,—сказали, поднявъ глаза:

— Хорошо. Пусть такъ. Пусть вышлемъ. Выслать—дѣло не хитрое и правильное, ибо человекъ, зря стрѣляющій изъ заряженнаго пятью пулями пистолета, по всей справедливости долженъ носить имя: бездѣльникъ. Это такъ. Но здѣсь есть одно привходящее обстоятельство, о которомъ надо подумать. Ибо кто знаетъ? Слухъ потомъ можетъ пойти по всей странѣ и не хорошо будетъ, если другіе муниципалитеты скажутъ о насъ: люди, не имѣющіе въ головѣ мозга. Стрѣляли? Это вѣрно, но нужно подумать еще и о томъ, кто стрѣлялъ? Стрѣляли поэты. Людми же, жившими раньше насъ, сказано: плохъ поэтъ, не нѣвшій въ молодости по цѣлымъ ночамъ серенады.

Стало всеѣмъ извѣстно тотчасъ же послѣ засѣданія, что граждане, наставившіе на высылкѣ, послѣ этихъ рѣчей переглянулись между собой и было ясно, что въ головахъ ихъ протекли мысли въ родѣ слѣдующихъ:

— Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, требовать отъ поэтовъ, чтобы они, какъ нѣмцы, прощавшіеся весь день по Монте-Соляро, ложились спать въ девять часовъ? Если поэты будутъ ложиться спать въ девять часовъ, то передъ кѣмъ же Господь Богъ будетъ хвалиться своимъ лучшимъ, что Онъ сотворилъ, т.-е. звѣзднымъ небомъ?

И вотъ: хоть ухаживаемъ мы за Маріэттой, мы русскіе, бездѣльники, но о насъ хорошо разсудилъ муниципалитетъ и никто изъ умѣющихъ владѣть оружіемъ не пострадалъ. И сладки тѣ слова, которыя мы говоримъ не той богатой, разборчивой невѣстѣ, хозяйской дочери, а ей, этой бѣдной, скромной Маріэттѣ. Мы—бѣдны, но за то мы и прихожане бѣдной, а не богатой. У насъ нѣтъ ни золота, ни ладана, ни смиренны, но мы принесемъ ей свои дары: кто—скромный стихъ, кто—мечтательную музыку, кто—цвѣты, искусно нарисованные.

... Проходило лѣто—и время отъ времени кто-нибудь изъ насъ на раппемъ дешевомъ пароходѣ уѣзжалъ съ острова: кто—въ Россію, кто въ Парижъ, кто—въ Венецію. И тогда, проспавшіе на зарѣ, Маріэтта, въ новой кофточкѣ, еще съ неослабѣвшимъ румянцемъ утра на щекѣ, приходила на присталь, приносила цвѣтотъ, подавала ихъ отъѣзжающему и застѣчиво произносила одно только слово:

— Fiori.

А тотъ, отъѣзжающій и радостный и тайно-волнующійся, повгорялъ нашу обычную шутку:

— Partiamo in Russia, Marietta?

И опять въ глазахъ ея, въ двухъ миниатюрахъ: утромъ—моря, въ полдень—

неба, просыпался страхъ передъ огромной, суровой страной, которую мы не разъ, обводя пальцемъ по очертаніямъ границъ, показывали Мариэттѣ на плохомъ, лопнувшемъ на Египтѣ, глобусѣ.

— Marietta!—съ легкой угрозой предупреждалъ ее отъѣзжающій,—Russia—bella!

— O, Russia—bella!—повторяли мы за нимъ согласнымъ хоромъ.

На это Мариэтта отвѣчала такими учтивыми словами:

— Я вѣрю вамъ, что Россія прекрасна. Она прекрасна уже потому, что рождаетъ такихъ веселыхъ и любезныхъ синьоровъ, какъ вы. Но бѣда въ томъ, что у меня здѣсь мать и никуда не хочетъ отпустить меня. Вы понимаете? А я должна быть послушной дочерью. Вы понимаете?

Мы понимали.

Отплывала къ пароходу лодка и Мариэтта просила отъѣзжающаго передать поклонъ Россіи.

— Saluti alla Russia!

Отъѣзжающій, ставъ одной ногой на чемоданъ, прижималъ руки къ сердцу, цѣловалъ цвѣты, уплывалъ отъ берега все дальше и дальше, и повторялъ:

— Непремѣнно, Мариэтточка, непременно.

И непонятно было: радъ ли онъ отъѣзду? Печалится ли о разставаніи?

И вотъ теперь, когда снова, въ тысячный и тысячный разъ рушится башня,— та башня счастья, та башня спасенія, которую люди начали строить еще въ Вавилонѣ и куполомъ которой они хотѣли коснуться небесъ, когда Господь Богъ снова смѣшалъ языки строителей, когда съ покачившихся стѣнъ снова летятъ и давятъ бѣдное человѣчество камни и гремитъ разящее желѣзо, когда снова начался потопъ и нѣтъ Ноя, строящаго ковчегъ, когда мы снова, кажется, обростаемъ шерстью и у нѣкоторыхъ на старомъ мѣстѣ снова начинается прорѣзываться хвостъ,—я иногда, чтобы хоть на минуту затемнить въ сознаніи страшныя картины, вспоминаю Мариэтту,—далекую Мадонну, за тремя морями—ихъ теперь не переплывешь и—шепчу:

— Ave, Marietta, gratia plena...

П. Сургучевъ.

г.п.